Духовная библиотека

СВЯТИТЕЛЬ

ИОАНН ЗЛАТОУСТ

ТАИНСТВО ЧАШИ ХРИСТОВОЙ

ДУХОВНАЯ БИБЛИОТЕКА
Святитель Иоанн Златоуст
ТАИНСТВО ЧАШИ ХРИСТОВОЙ
Православное братство святого апостола Иоанна Богослова
Москва • 2009

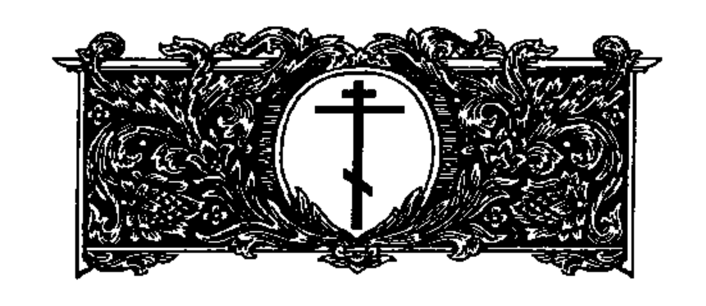

По благословению
Высокопреосвященнейшего Владимира,
митрополита Ташкентского
и Среднеазиатского

Духовная библиотека.

Святитель Иоанн Златоуст.
Таинство Чаши Христовой. М., 2009

ISBN 978-5-89424-054-1

1. О соединении с Богом

Сколь многие говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, сапоги! Вот ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он дает тебе не только видеть Себя, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать к Святым Тайнам с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенною любовью, все с горячим усердием и бодростью. Ибо если иудеи ели агнца с готовностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках, то гораздо более тебе должно бодрствовать. Ибо они готовились идти в Палестину, потому и имели вид путешественников, а ты готовишься идти на небо.

Поэтому нужно всегда бодрствовать. Ибо немалое предстоит наказание тем, которые недостойно причащаются. Подумай, как много ты негодуешь на Иуду-предателя и на тех, которые распяли Христа. Итак, берегись, чтоб и тебе не сделаться виновным против Тела и Крови Христовых. Они умертвили Всесвятое Тело, а ты принимаешь его нечистою душою после стольких благодеяний Христа. Ибо не достаточно было для Него того, что Он сделался человеком, был избит и умерщвлен; но Он еще отдает Себя нам и не только верою, но и по существу делает нас Своим Телом. Сколь же чист должен быть тот, кто принимает эту Жертву! Сколь чище всех лучей солнечных должны быть рука, раздробляющая сию Плоть, уста, наполняемые духовным Огнем, язык, обагряемый страшною Кровию! Помысли, какой чести ты удостоен, какою наслаждаешься трапезою! На что с трепетом взирают ангелы и не смеют воззреть без страха по причине сияния, отсюда исходящего, — тем мы питаемся, с тем соединяемся и делаемся одним телом и одною плотию со Христом. *Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его?* (Пс. 105, 2). Какой пастырь питает

овец собственным телом? Но что я говорю: пастырь, — часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел сего. Он питает нас Собственною Кровию и чрез это соединяет нас с Собою. Подумай о том, что Он родился от нашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Ибо если Он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем, а если ко всем, то и к каждому порознь. Почему же, ты скажешь, не все получили от этого пользу? Это зависит не от Того, Который благоволил совершить это дело для всех, но от тех, которые не захотели быть с Богом. Ибо с каждым верующим Он соединяется посредством Таин и Сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому, и этим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какой готовностью младенцы припадают с материнской груди? С таким же расположением и мы должны приступать к сей трапезе духовной Чаши, или, лучше сказать, мы с большим еще желанием должны привлекать к себе, подобно груд-

ным младенцам, благодать Духа; одна только у нас должна быть скорбь — та, что мы не приобщились этой пищи. Действия сего Таинства совершаются не человеческою силою. Тот, Кто совершил эти действия на Тайной Вечере, и ныне совершает их.

Мы занимаем место служителей, а освящает и претворяет Дары Сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов, то пусть такой удалится: трапеза не допускает тех, кто не из числа учеников. Ибо *с учениками Моими*, говорит Христос, *сотворю пасху* (Мф. 26, 18). Эта трапеза есть та же самая, которую предложил Христос ученикам на Тайной Вечере. Нельзя сказать, что ту устрояет Христос, а эту человек, но ту и другую — Сам Христос. Это место — та самая горница, где Он был с учениками. Отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдем и мы на то место, где простерты руки нищих, ибо это место есть гора Елеонская: поскольку нищие — это маслины, насажденные в доме Божием, источающие елей, который имели пять дев и которого не взявши, другие пять погибли. Взявши этот елей, войдем, дабы нам с горящими

светильниками встретить Жениха. Не должен приступать сюда ни один бесчеловечный, ни один жестокий и немилосердный, ни один нечестивый.

Это говорю вам, которые приобщаетесь, и вам, которые служите. Ибо нужно побеседовать и с вами, чтобы вы со многим тщанием раздавали сии Дары. Немалое наказание ожидает вас, если вы, признавши кого-либо нечестивым, позволите причаститься сей Трапезы. Кровь Его взыщется от рук ваших. Хотя бы кто был полководец, хотя бы начальник, но если подходит к причастию недостойно, то запрети ему: ты имеешь больше власти, нежели он. Если бы тебе поручено было сохранять в чистоте источник воды для стада и ты увидел овцу, имеющую на устах много грязи, то не дал бы ей наклониться и возмутить источник. Но теперь вручен тебе источник не воды, а Крови и Духа, и ты, видя некоторых, имеющих грех, который хуже грязи, и приступающих к этому Источнику, не негодуешь, не воспрепятствуешь? Какое ты можешь получить прощение? Для того Бог удостоил вас священства, чтобы вы рассматривали таковые дела. В этом состоят ваше достоинство, ваша важность, ваш венец, а не

в том, чтобы вы облекались в белую и блистательную одежду. Но как, скажешь, я могу знать того или другого человека? Я говорю не о неизвестных, но о известных людях. Скажу нечто более страшное: не так опасно приступать к сему Таинству бесноватым, как тем, которые, как говорит Павел, попирают Христа, Кровь Завета не почитают за святыню и ругаются над благодатию Духа (см. Евр. 10, 29). Ибо приступающий во грехах хуже бесноватого. Бесноватые не наказываются потому, что они беснуются, а приступающие недостойно предаются вечному мучению. Итак, будем удалять не только бесноватых, но и всех, которых увидели бы недостойно приступающими. Никто не должен приобщаться, если он не из числа учеников Христовых.

Никто не должен принимать Дары подобно Иуде, дабы не потерпеть участь Иуды. Это собрание верующих есть также тело Христово. Посему ты, служитель Таинств, смотри, чтобы тебе не раздражить Владыку, если не будешь очищать это тело, – чтобы не дать меча вместо пищи. Но хотя бы кто и по неразумию пришел для причащения, воспрети ему, не убойся. Убойся Бога, а не человека. Если убо-

ишься человека, то от Бога будешь уничижен, а если убоишься Бога, то и от людей будешь почитаем. Если ты сам не смеешь, то приведи ко мне: я не позволю сию дерзость. Скорее предам душу свою, нежели причащу Крови Господней недостойного, скорее пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной Крови того, кого не должно. Если же кто после испытаний не найдет недостойного, то не будет виновен. Ибо это сказано мною о известных людях. Если мы исправим их, то Бог скоро соделает неизвестных нам известными. Если же мы оставим без внимания известных нам, то для чего Ему делать других нам известными? Это я говорю не для того, чтобы мы только удаляли и отсекали, но для того, чтобы, исправивши, возвращали и имели попечение о всех. Таким образом мы и Бога умилостивим, и найдем много достойных причастников, и получим за это старание и попечение о других великую награду, которой да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

2. Трапеза Господня, и о милостыне и жертве

Нам предложено ныне Тело Христово, дабы мы ели и насытились. Итак, приступим с верою, приступим все немощные. Приступить же с верою — значит не только принять предложенное, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к Самому Христу.

Итак, веруйте, что ныне совершается та же вечеря, на которой Сам Он был, ибо ничем не отличаются одна от другой. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершал Христос; напротив, ту и другую совершает Сам Он. Поэтому, когда видишь, что священник преподает тебе Дары, знай, что не священник делает

это, но Христос простирает к тебе руку. Как при крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимою силой держит главу твою, и ни ангел, ни архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться, — так и в причащении. Если один Бог, то Ему одному принадлежит дар. Не видишь ли, что у нас желающие кого-либо усыновить не рабам доверяют это дело, а сами являются в суд? Так и Бог не ангелам доверил дар, но Сам присутствует и повелевает: *отцом себе не называйте никакого на земле* (Мф. 23, 9). Этим не запрещается тебе почитать родителей, но повелевается им предпочитать Создавшего тебя и принявшего в число детей Своих. А Кто дал тебе большее, то есть предложил Самого Себя, Тот Сам преподаст тебе Свое Тело. Итак, послушаем, священники и мирские, чего мы удостоились, послушаем и ужаснемся! Христос дал нам в пищу Святую Плоть Свою, Самого Себя предложил в жертву; какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Таинство это требует, чтобы мы совершенно были чисты, не только от грубых грехов, но и от малой вражды. Оно есть Таинство мира и не

позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас Самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, сберегая богатство, не побережем души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, дабы они ежегодно воспоминали о Его благодеяниях, а тебе каждый день напоминает о них через Таинства. Итак, не стыдись креста Христова. В нем заключены наша слава, наши Таинства; этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Сказав, что Бог создал небо, землю и море, послал пророков и ангелов, я не выражу Его благости. Верх благодеяний Его состоит в том, что не пощадил Сына Своего для спасения отпавших от Него рабов.

Итак, ни Иуда, ни подобные ему не должны приступать к этой трапезе, ибо они погибли от сребролюбия. Будем и мы избегать этой пропасти и не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва, душу свою сделай золотою. Если же она хуже свинца и глины, а сосуд золотой, какая тебе из того польза? По-

этому будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Ибо дороже золота приобретенное без страсти к наживе. Церковь не для того, чтоб в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, ибо для душ принимает Бог и прочие дары. Не на серебре была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там всё было драгоценно, всё возбуждало благоговение, потому что всё исполнено было Духа.

Хочешь ли почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма не захочешь укрыть его от холода и наготы? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26) — и утвердивший это сказал также: *вы видели Меня алчущего — и не напитали*; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для сего таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; части Христова тела, то есть нищие, имеют великую нужду

в нашем попечении. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И апостол Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги ученикам, однако же это было не почтение, а нечто тому противоположное. Посему и ты почитай Его тою честью, какою Сам Он заповедал, то есть трать богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, но золотые души.

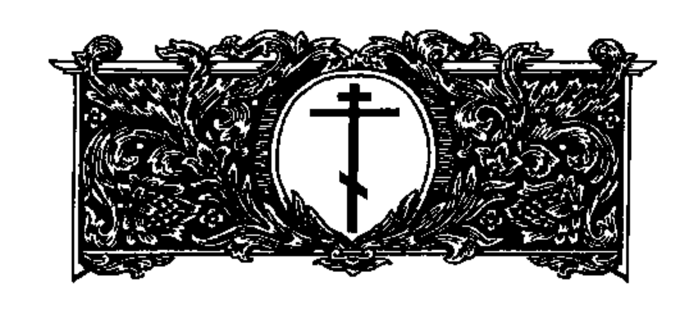
Говоря это, не запрещаю делать богатые пожертвования в храм Божий, требую только, чтобы вы вместе с вкладами, и даже прежде них, творили милостыню бедным. Хотя Бог приемлет и жертвы, но гораздо лучше милостыню бедным. Там только приносящий получает пользу, а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию, а здесь всё делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, а потом остальное употреби на украшение трапезы Его. Ты делаешь для церкви золотую чашу — и не даешь жаждущему чаши студеной воды! Что пользы

устроить для трапезы златотканые покровы, а Христу не дать и нужного для прикрытия? Какой плод от того? Скажи, например: ты видишь человека, не имеющего необходимой пищи, и, вместо того чтобы утолить его голод, только стол обкладываешь серебром — поблагодарит ли он тебя за это или, скорее, огорчится? И еще: ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и, вместо того чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь него, — не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься, и не почтет ли это крайнею обидою? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты, вместо того чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов; привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в пожертвованиях быть щедрым, но советую также не оставлять милостыню, или даже и предпочитать её. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожают геенна, и огонь неугасимый, и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не забывай скорбя-

щего брата, ибо этот храм превосходнее первого. Из дома Божьего могут похитить и неверные правители, и разбойники, а что сделаешь для брата бедствующего, того похитить не может сам диавол: оно сбережется в неприступном хранилище. Посему, прочитавши все законы о милостыне, данные и в Новом и в Ветхом Завете, употребим всё старание на исполнение их. Это и грехи очищает, ибо сказано: *подавайте милостыню... тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Это важнее жертв: *милости хочу, а не жертвы* (Ос. 6, 6). Милостыня отверзает небеса: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4).

Зная всё это, будем сеять щедро, дабы с большим изобилием пожать и получить будущие блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

3. О приобщении Святых Таин и о богатстве, бедности и невоздержании

Апостол Павел, обличая коринфян за то, что они оставляют бедных голодными, когда сами приобщаются Святых Таин, стараясь пристыдить их и сделать кроткими, обращает речь к важнейшему предмету: *ибо я,* говорит, *от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание* (1 Кор. 11, 23–24). Для чего он напоминает нам об этом времени, об этой вечере и пре-

дательстве? Не просто и не без причины, но дабы сильнее тронуть сердца. Ибо всякий, хотя бы был даже камнем, представив, как в эту ночь Господь скорбел с учениками, как был предан, связан, веден и осужден, как терпел всё прочее, сделается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того апостол и напоминает нам о всем этом, пристыжает нас и вечерею, и предательством и говорит: Господь твой предал Себя Самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для своей же пользы?

Но почему Павел говорит, что он принял это от Господа, между тем как сам не был вместе с Ним, а находился тогда в числе Его гонителей? Чтобы ты уразумел, что та вечеря не заключала в себе ничего большего в сравнении с последующими. Ибо и ныне Тот же Господь всё совершает и преподает, как и тогда, в ту последнюю ночь, когда сказал последние слова. Как вообще мы помним последние слова, которые слышим от умирающих, и наследникам их, когда они дерзают нарушить их завещания, в укоризну говорим: вспомните, что это последние слова отца вашего, которые он завещал пред самою своею кончиною, — так и Павел, желая

таким образом усилить речь свою, говорит: вспомните, что это было последнее Таинство, которое Он преподал вам, что Он заповедал это в ту ночь, в которую готовился умереть за нас, и, предложив нам эту вечерю, после нее уже не предложил никакой другой. Затем он излагает сами обстоятельства события и говорит: *взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое* (1 Кор. 11, 24). Если ты приступаешь к приобщению для благодарения, не посрамляй брата своего, не презирай алчущего, не упивайся, не оскорбляй Церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за те блага, которые получил; воздавай же и со своей стороны и не отделяйся от ближнего.

Христос преподавал вечерю всем, сказав: *приимите, ядите*. Он всем преподал Свое Тело, а ты не хочешь всем раздавать общий хлеб? Хлеб был преломлен Им за всех и соделался Телом за всех. *Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите в Мое воспоминание* (1 Кор. 11, 25). А ты что делаешь? Совершаешь воспоминание о Христе — и презираешь бедных, и не трепещешь? Ког-

да ты совершал поминовение по умершему сыну или брату, то совесть замучила бы тебя, если бы ты не исполнил обычая и не пригласил бедных, — а совершая воспоминание о своем Господе, ты не хочешь даже поделиться трапезою?

Но что означают слова: *сия чаша есть новый завет*? Была чаша и Ветхого Завета — возлияния и кровь бессловесных животных: наполняли чашу кровию и после жертвоприношения совершали возлияние. Предложив вместо крови бессловесных Свою Кровь, чтобы, слыша это, кто-нибудь не смутился, Господь напомнил о древнем жертвоприношении. Сказав о вечере, далее апостол соединяет настоящее с прошедшим, чтобы верующие были и ныне в таком же расположении духа, как будто присутствовали на той же самой вечере вместе с апостолами и принимали от Самого Христа эту жертву, и говорит: *ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет* (1 Кор. 11, 26). Как Христос, сказав о хлебе и о чаше: *сие творите в Мое воспоминание,* открыл нам причину установления Таинства, а между прочим внушил, что эта причина достаточна для возбуждения

в нас благоговения — ибо когда ты представишь, что потерпел для тебя Господь твой, то сделаешься мудрее и добрее, — так и Павел говорит здесь: *всякий раз, когда вы едите... смерть Господню возвещаете*. Такова эта вечеря! Далее внушает, что она пребудет до скончания века, словами: *доколе Он придет. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 27). Почему? Потому что проливает кровь и производит заклание, а не жертву приносит. Как тогда пронзившие Господа пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить Кровь Его, так поступает и тот, кто приобщается недостойно и не получает никакой пользы. Видишь ли, как страшна речь его и как сильно он тронул их, показав, что если они таким образом намерены пить Кровь Господню, то будут недостойно причащаться предлежащих Таин? И подлинно, не недостойно ли приступает тот, кто презирает алчущего, и кроме того, что презирает, еще и посрамляет его? Ибо если неподавание милостыни бедным лишает человека Царствия Небесного, хотя бы он был девственник, равно как и нещедрое пода-

вание (ибо и девы имели у себя елей, но только не в изобилии), то представь, сколь велико зло, если совершится столько преступлений?

Каких, скажете, преступлений? О каких преступлениях говоришь ты? Приобщившись такой трапезы, тебе следовало бы сделаться смиреннее всех и уподобиться ангелам, а ты сделался жестокосерднее всех: ты вкусил Крови Господней и не признаешь своего брата — достоин ли ты прощения? Если бы даже ты не знал его доселе, то после этой Трапезы должен был бы признать его, а ты бесчестишь и саму Трапезу, считая сподобившегося быть причастником ее недостойным яств твоих. Разве ты не слышал, чему подвергся требовавший сто динариев от брата своего, как он утратил дар, уступленный ему господином его? Разве не знаешь, чем ты был прежде и чем стал теперь? Разве не знаешь, что гораздо более этого, бедного деньгами, ты был беден добрыми делами, будучи исполнен бесчисленных грехов? Однако Бог простил тебе все грехи и удостоил тебя такой Трапезы, но ты и после того не сделался человеколюбивее; потому не остается ничего более, как и тебя предать мучителям (см. Мф. 18, 34).

Будем же внимать словам апостола все мы, которые здесь приступаем к священной Трапезе вместе с бедными, а вышедши отсюда, не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, голодных оставляем без внимания, — в чем тогда виновны были и коринфяне. Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда тем более следовало бы не делать этого. Тогда-то, после причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных; тогда-то, после принятия Крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Скушав за обедом что-нибудь приятное, ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего, — а приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям. Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной вечери: не к молитвам ли и песнопениям обращались они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительному и исполненному великой мудрости? Ибо великие и дивные тайны Господь преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел звать будущих Его распинателей. Также и три тысячи верующих, сподобившись

причащения, не пребывали ли постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты если прежде причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойным причащения, то после причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь всё. Но не одно и то же — поститься прежде или после; нужно быть воздержным в то и в другое время, но особенно после принятия Христа: прежде — для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после — для того, чтобы не оказаться недостойным полученных Даров.

Неужели же, скажешь, нужно поститься после причащения? Я не говорю этого и не принуждаю — хорошо делать и так, но я не требую этого, а увещеваю не предаваться безмерному пресыщению. Ибо если вообще никогда не нужно пресыщаться, как внушает Павел в словах: *сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6), то тем более угрожает смерть пресыщающимся после причащения. Если для жены пресыщение есть смерть, то тем более для мужа; если оно пагубно во всякое время, то тем более после причащения Таин. А ты, приняв хлеб жизни, совершаешь дела смерти — и не трепещешь? Или не знаешь,

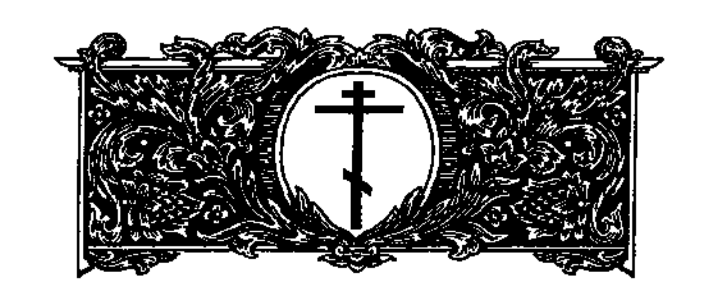
сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чем и говорить неприлично. Всё это делаешь ты после того, как причастился трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим к Плоти Его. Поэтому, чтобы такого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и обращает мысли свои к той духовной трапезе — к вечере Господней, к бдению учеников в ту священную ночь; или, лучше сказать, если тщательно вникнем, то и теперь — та же ночь. Будем же бодрствовать вместе с Господом и благоговеть вместе с учениками Его.

Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не все послушаетесь, то не все же и не послушаетесь; а если все не послушаетесь, то мне будет тем большая награда, а вам — тем большее

осуждение. Чтобы с вами не случилось этого, я не перестану говорить: частым повторением, может быть, и трону вас. Итак, увещеваю вас: чтобы причащение не послужило к нашему осуждению, напитаем Христа, напоим и оденем — это достойно такой трапезы. Ты слышал священные песни, видел брак духовный, насладился царской Трапезой, исполнился Святого Духа, приобщился к лику серафимов, сделался сообщником небесных сил? Не нарушай же такой радости, не теряй такого сокровища, не предавайся пьянству, этому источнику скорби, утешению диавола, виновнику бесчисленных зол, ибо от него и сон, подобный смерти, и головокружение, и болезни, и забвение, и изнеможение. Ты, конечно, не решился бы в пьяном виде встретиться даже с другом, мнением которого ты дорожишь; как же осмеливаешься, скажи мне, предаваться пьянству, имея в себе Христа? Но ты любишь удовольствия? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебе удовольствия, но удовольствия истинного и никогда не увядающего. Какое же это удовольствие — истинное и всегда цветущее? Призови к обеду своему Христа, раздели с Ним свои или, луч-

ше, Его же блага, — вот в чем заключается бесконечное и всегда цветущее удовольствие! А удовольствия чувственные не таковы: они, как скоро являются, тотчас же исчезают, и наслаждающийся ими находится в худшем состоянии, нежели не наслаждающийся. Тот находится как бы на пристани, а этот увлекается потоком и осаждается болезнями, не имея возможности преодолеть такую бурю. Посему, дабы не случилось этого, будем соблюдать умеренность — тогда сохраним и тело здравым, и душу спокойною, избежим настоящих и будущих зол, которых да избавимся все мы и да сподобимся Царствия Небесного благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу вместе со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

4. Таинство Чаши Господней

Чтобы выразить Свою великую любовь к нам, Христос даровал нам Плоть Свою. Итак, чтобы не любовью только, но и самим делом быть нам членами Плоти Христовой, будем соединяться с этою Плотью. Для того Он отдал Самого Себя и растворил Тело Свое в нас, чтобы мы составляли нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это есть знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с его плотью: *о, если бы мы от мяс его не насытились* (Иов. 31, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целью так посту-

пил и Христос: чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и вкушать, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание.

Будем же отходить от Святой Трапезы, как львы, дышащие огнем, страшным для диавола, и помышляя о нашей Главе и о той любви, какую Он показал к нам. Часто родители, говорит Он, отдают детей своих на вскормление другим; а Я не так, но питаю вас Своею Плотию, Самого Себя предлагаю вам, желая, чтобы все вы были благородны, и подавая вам благие надежды на будущее. Ибо кто отдал вам Самого Себя здесь, то тем более отдаст там.

Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови; и эту плоть и кровь, чрез которые Я сроднился с вами, Я опять преподаю вам. Эта Кровь придает нам вид цветущий и царский, рождает красоту неизобразимую, не дает увядать благородству души, непрестанно напояя ее и питая. Наша кровь, образующаяся из пищи, не сразу становится кровью, но сначала бывает чем-то другим; а эта Кровь не так, но тотчас же напояет душу и сообщает ей некую великую силу.

Эта Кровь, достойно принимаемая, отстраняет и далеко прогоняет от нас демонов, призывает же к нам ангелов и Владыку ангелов. Демоны бегут оттуда, где видят Владычнюю Кровь, а ангелы туда стекаются. Пролитая на кресте, эта Кровь омыла всю вселенную. Много об этой Крови рассуждает и апостол Павел в Послании к Евреям. Эта Кровь очистила место недоступное и святое святых. Если же ее образ имел такую силу в храме еврейском, и в Египте, когда кровью были помазаны дверные косяки, то гораздо более — сама истина. Эта Кровь освятила золотой жертвенник. Без нее архиерей не дерзал входить в место недоступное. Эта Кровь поставляла во священника. Она в образах омывала грехи. Если же в образах она имела такую силу, если смерть так страшилась тени, то может ли, скажи мне, не убояться самой истины? Эта Кровь — спасение душ наших. Ею душа омывается. Она делает наш ум светлее огня. Она делает нашу душу чище золота. Эта Кровь излилась — и сделала небо для нас доступным.

Страшны поистине Таинства Церкви, страшен поистине жертвенник. Из рая выходил источник, изливавший чувствен-

ные реки; от этой же Трапезы происходит источник, изводящий реки духовные. При этом источнике насаждены не ивы бесплодные, но дерева, достигающие самого неба и приносящие плод всегда спелый и никогда не увядающий. Если кто томится от зноя, пусть идет к этому источнику и прохладит свой жар, потому что этот источник уничтожает засуху и освежает все попаленное — попаленное не солнцем, а раскаленными стрелами диавола. Его начало — свыше и исток его там же, и оттуда он напояется. У этого источника много потоков, которые изводит Дух Святой, а посредником при этом бывает Сын, не силой пролагая им дорогу, но отверзая в нас расположение. Этот источник — источник света, изливающий лучи истины. К нему стекаются и небесные силы, чтобы созерцать красоту его потоков, потому что они яснее видят и силу предлежащих Даров, и неприступное их сияние.

Если бы возможно было, чтобы кто-нибудь вложил свою руку или язык в расплавленное золото, — они тотчас озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее действие производят и здесь на душу предлежащие Тайны. Сильнее огня кипит и стремится эта река, но не сжига-

ет, а только очищает всё, чего касается. Она — цена вселенной; ею Христос приобрел Церковь; ею Он всю ее украсил. Как тот, кто покупает слуг, дает за них золото и потом, желая их украсить, украшает золотом, так и Христос и приобрел нас Кровию, и украсил Кровию. Приобщающиеся этой Крови стоят вместе с ангелами, архангелами и прочими горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея духовное оружие. Но этим я еще не сказал главного: они бывают облечены в Самого Царя. Но сколько велико и чудно это Таинство, столько же верно и то, что если приступаешь к нему с чистою совестью — приступаешь во спасение, если же с совестью лукавою — в наказание и мучение. *Кто ест*, сказано, *и пьет*, Господа *недостойно, тот ест и пьет осуждение себе* (1 Кор. 11, 29). Если и оскверняющие царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее, то что удивительного, если приемлющие Тело Христово с нечистою душою подвергнутся тому же наказанию, какому и те, которые истерзали его гвоздями? Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: *если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех*

свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен (Евр. 10, 28–29). Будем же, возлюбленные, внимательны к самим себе, обладая такими благами. И если родится в нас желание сказать что-нибудь срамное или заметим, что нами овладевает гнев или какая-нибудь другая страсть, — подумаем, чего мы удостоены, какого получили Духа. Такая мысль обуздает наши безумные страсти. В самом деле, доколе мы будем привязаны к недостойным вещам? Доколе не восстанем? Доколе будем нерадеть о своем спасении? Помыслим, чего нас удостоил Бог, возблагодарим, прославим Его — не верою только, но и делами, чтобы сподобиться и будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу вместе со Святым Духом слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

5. Приступайте к причащению с чистой совестью

Апостол Павел в Послании к Коринфянам, упомянув о Таинствах и что недостойно причащающийся *виновен будет против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 27), нашел необходимым изложить подробнее этот предмет как немаловажный, поэтому в беседе о нем внушает великий страх и доказывает, что главное благо в том, чтобы приступать к ним с чистою совестью. Не довольствуясь сказанным прежде, он присовокупляет еще следующее: *да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет от чаши сей* (1 Кор. 11, 28), как он говорил и во Втором послании: *испытывайте самих себя* (2 Кор. 13, 5), а не

так, как поступаем теперь мы, сообразуясь более с внешними обстоятельствами, нежели с душевным расположением. Мы стараемся не о том, чтобы приступить приготовившись, очистившись от всего злого и с полным благоговением, но — чтобы в праздники и тогда, когда приступают все. Не так повелевает Павел; он знает одно только время приступать к Тайнам и причащаться — когда чиста совесть. Если мы не приступаем к обычной пище, страдая тяжкой болезнью желудка, дабы не подвергнуться смерти, то тем более нам нельзя касаться этой Трапезы с порочными пожеланиями, которые хуже всякой болезни. Под именем порочных пожеланий я разумею как телесные, так и корыстолюбие, гнев, злопамятность и вообще все порочные наклонности. Приступающему нужно очиститься от всего такого и тогда касаться этой чистой Жертвы, но не с небрежением и невниманием как бы принуждать себя к этому в праздник; а с другой стороны, когда есть сокрушение и готовность, не откладывать потому, что нет праздника. Праздник есть совершение добрых дел, благочестие души и строгость жизни; если ты имеешь это, то всегда можешь праздновать и всегда приступать

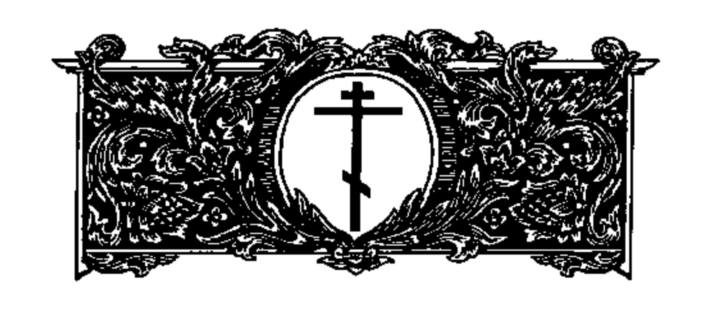
к приобщению. Посему апостол и говорит: *испытывайте самих себя* каждый *и таким образом* приступайте; повелевает испытывать не одному другого, но самому себя, устрояя судилище без гласности и обличение без свидетелей. *Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе* (1 Кор. 11, 29). Что он говорит? Источник столь многих благ, Трапеза, источающая жизнь, обращается в осуждение? Не по своему существу, говорит он, а по воле приступающего.

Как Пришествие Господа, доставившее нам великие и неизреченные блага, послужило к большему осуждению не принявших Его, так и эти Тайны навлекают большее наказание на недостойно причащающихся. Почему же он *осуждение себе ест? — Не рассуждая о Теле Господнем,* то есть не размышляя, не представляя как должно величия предлежащих Таин и не думая о важности Дара. Если бы ты вполне понимал, Кто предлежит пред тобою и кому Он предлагает Себя, то не имел бы нужды ни в каком увещании, а одного этого было бы достаточно для возбуждения в тебе полного благоговения, если только ты не пал слишком глубоко. *Оттого*, говорит, *многие из вас немощны и*

больны и немало умирает (1 Кор. 11, 30). Многие в недоумении спрашивали друг друга, отчего происходят преждевременные смертные случаи, отчего продолжительные болезни? Причина многих, говорит он, таких нечаянных бедствий заключается в грехах. Как, скажешь, пользующиеся постоянным здоровьем и достигающие маститой старости — неужели не грешны? Кто может сказать это? Почему же, скажешь, они не наказываются? Потому что в будущей жизни они подвергнутся жесточайшему наказанию. А мы, если захотим, не будем наказаны ни здесь, ни там. *Ибо если бы мы судили сами себя,* говорит апостол, *то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31). Не сказал: если бы наказывали себя или мучили себя, но: если бы только захотели сознать грехи свои и осудить свои беззакония, то избавились бы от наказания и здесь, и там. Ибо осуждающий сам себя вдвойне умилостивляет Бога в сознании грехов своих и готовностью не делать их впредь. Но мы не хотим делать как следует и этого легкого дела, и, однако, он не угрожает нам наказанием вместе *с миром,* но щадит нас, угрожая здешним наказанием, которое временно и заключает в себе много утешения, ибо оно ос-

вобождает от грехов и подает сладостную надежду на будущее, которая облегчает теперешние страдания. Этим апостол желает и утешить немощных, и сделать других более ревностными. Ныне же, говорит, *будучи судимы, наказуемся от Господа* (1 Кор. 11, 32). Не сказал: подвергаемся наказанию или мучению, но *наказуемся*. Ибо настоящее наказание есть более вразумление, нежели осуждение, более врачевание, нежели воздаяние. И не только этим, но и угрозою большего наказания он облегчает настоящее: *чтобы не быть осужденными с миром,* говорит. Видишь ли, как он указывает на геенну и на Страшный суд и доказывает, что этот суд и наказание неизбежны и будут непременно? Слыша это, будем стараться достойно причащаться Святых Таин и не скорбеть, когда случится какое-нибудь бедствие с нами или с другими, например преждевременная смерть или продолжительная болезнь. Такое бедствие есть избавление от наказания, есть исправление, есть наилучшее вразумление.

6. Приступайте к Чаше с великим благоговением

Апостол Павел говорит: *чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой?* (1 Кор. 10, 16). Что говоришь ты, блаженный Павел? Ты желаешь пристыдить слушателей и напомнить о Страшных Тайнах, а называешь эту страшную и грозную Чашу *чашею благословения?* Да, говорит, сказанное мною немаловажно; когда я говорю: *благословение,* то припоминаю всё сокровище благодеяний Божиих и великие дары Его. Подлинно, приступая к Чаше и приобщаясь, мы вспоминаем неизреченные благодеяния Божии и всё, что получили, и благодарим, что Он избавил род человеческий от за-

блуждения, что отступивших далеко Он приблизил к Себе, что не имевших упования и бывших безбожниками в миру Он сделал Своими братьями и сонаследниками. За это и тому подобное мы благодарим Его и с благодарностью приступаем к Чаше. Находящееся в Чаше есть то самое, что истекло из ребра Господа; того мы и приобщаемся. *Чашею благословения* апостол назвал ее потому, что мы, держа ее в руках, прославляем Бога, удивляемся и изумляемся неизреченному Его дару, благословляя Его, что Он пролил Кровь Свою для избавления нас от заблуждения, и не только пролил, но и преподал ее всем нам. *Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?*(1 Кор. 10, 16). Почему апостол не сказал: причастие? Потому что хотел выразить нечто большее, показать совершенное единение. Ибо, приобщаясь, мы не только делаемся участниками и сообщниками, но и соединяемся со Христом. Как тело Христово соединено со Христом, так и мы чрез этот хлеб соединяемся с Ним. А для чего прибавил: *который ломим?* Это делается в Евхаристию; а на кресте этого не было, но было даже противное: ибо *кость Его,* говорит Писание,

да не сокрушится (Ин. 19, 36). Чего Он не претерпел на кресте, то претерпевает в приношении для тебя и дает преломлять Себя, дабы наполнить всех. Далее, так как приобщающееся отлично от того, Чему оно приобщается, апостол уничтожил и это малое различие. Ибо, сказав: *приобщение Тела,* хотел выразить еще более тесную близость и говорит: *один хлеб, и мы многие одно тело* (1 Кор. 10, 17). Что я говорю: *приобщение?* — продолжает он, — мы составляем самое Тело Его. Ибо что такое этот хлеб? Тело Христово. Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним Телом.

Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что, хотя в нем есть зерна, но их не видно и различие их неприметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом. Ибо мы питаемся не один одним, другой другим, но все одним и тем же Телом. Почему апостол и присовокупляет: *ибо все причащаемся от одного хлеба*. Если же мы питаемся одним и все делаемся одним, то почему не оказываем одной и той же любви, не делаемся одним и в этом отношении? В древние времена у предков наших так было: *у множества*

же уверовавших, говорит Писание, *было одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32). А теперь не так, но совершенно напротив: между всеми множество разного рода браней; мы, части тела Христова, расположены друг к другу хуже диких зверей. Христос соединил с Собою тебя, так сильно отделившегося от Него, а ты не хочешь даже с братом соединиться надлежащим образом, но отделяешься от него, удостоившись от Господа такой любви и жизни. Ибо Он не просто дал Свое тело, но вместо прежней плоти, которая, по естеству своему происходя из земли, была умерщвлена грехом и лишена жизни, Он привнес, так сказать, другой состав и другую закваску — Свою плоть, которая хотя по естеству такая же, но чужда греха и исполнена жизни, и всем преподал ее, дабы, питаясь ею и отложив прежнюю мертвенную плоть, мы уготовились посредством этой Трапезы к жизни бессмертной.

Зная это, возлюбленные, будем заботиться о братиях и соблюдать единение с ними. К этому побуждает нас великая и страшная Жертва, обязывающая нас приступать к ней с совершенным единодушием и пламенною любовию, окрыляться подобно орлам и таким образом воспа-

рять к самому небу. *Где будет труп,* говорит Господь, *там соберутся орлы* (Мф. 24, 28). Трупом Он называет Свое умершее тело, ибо, если бы Он не умер, то и мы не воскресли бы; а орлами называет приступающих к этому Телу и внушает, что они должны возвышаться, не иметь ничего общего с землею и не пресмыкаться, но непрестанно стремиться к Солнцу правды и иметь острое око души. Это — пища орлов, а не галок.

Те, кто достойно причащаются сейчас, встретят когда-то Господа, грядущего с небес; а причащающиеся недостойно подвергнутся погибели. Если никто к одежде царской не посмеет прикоснуться нечистыми руками, — то как мы дерзнем принимать с неуважением Тело Вседержителя Бога, Тело непорочное, чистое, соединенное с Божественным естеством, которым мы существуем и живем, которым сокрушены врата смерти и отверсты своды небесные? Нет, умоляю вас, не будем губить себя бесстыдством, но будем приступать к Телу Христову с трепетом и со всякою чистотою. Когда ты увидишь его предложенным, то скажи самому себе: чрез это Тело я уже — не земля и пепел, уже не пленник, а свободный; чрез него я

надеюсь достигнуть небес и уготованных там благ: бессмертной жизни, блаженства с ангелами, соединения со Христом; смерть не устояла, когда это тело было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидев это тело распинаемым; раздралась в то время завеса, распались камни, потряслась вся земля; оно есть то самое тело, которое было окровавлено, прободено копием и источило всей вселенной источники спасения — кровь и воду. Хочешь ли еще видеть силу его? Спроси жену кровоточивую, которая прикоснулась не к нему, а к одежде, в которую оно было облечено, и даже не к целой одежде, а к краю ее; спроси море, которое носило его на волне своей; спроси самого диавола и скажи ему: откуда у тебя неисцельная рана? Отчего ты уже не имеешь никакой силы? Как ты подвергся плену? Кем ты удержан, когда предался бегству? И он укажет тебе не на что иное, как на тело Распятого. Им притуплено жало его, Им сокрушена глава его, Им посрамлены начала и власти его; *отняв силы у начальств и властей,* говорит Писание, *властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою* (Кол. 2, 15). Спроси также смерть и скажи: чем истреблено

твое жало? Чем разрушена твоя победа? Чем сокрушена твоя сила? Отчего ты сделалась посмешищем девиц и отроков, тогда как прежде была страшна властелинам и даже праведникам? И она укажет на него же. Ибо, когда оно было распинаемо, тогда встали мертвые, тогда разрушилась темница их, сокрушились медные врата ее и мертвые воскресли, а все стражи ада пришли в ужас. Если бы тело Христово было подобно другим, то смерть одолела бы, но этого не произошло, потому что оно не было обыкновенным; посему смерть была побеждена. Как принимавшие такую пищу, которой не могут удержать в себе, извергают с нею и то, что было принято ими прежде, так было и со смертию: приняв тело, которого не могла сокрушить, она извергла и то, что имела в себе; приняв его, она испытала болезни рождения и мучилась дотоле, пока не возвратила его. Посему апостол и говорит: *расторгнув узы смертные* (Деян. 2, 24). Ни одна жена рождающая не мучится так, как мучилась и терзалась смерть, приняв в себя тело Господа. Что случилось с змием вавилонским, который, приняв пищу, сам расторгся (Дан. 14, 28), то же произошло и со смертью. Христос

вышел не чрез уста смерти, но растерзав самое чрево этого змия, исшел из внутренности его с великою славою, пролив светлые лучи не до неба только, но до самого горнего Престола; ибо туда Он вознес с Собою и тело. Это тело Он предложил нам в снедь, чем и показал самую сильную любовь к нам. Так Иов, выражая любовь к нему рабов его, сказал, что они от сильной любви к нему часто говорили: *о, если бы мы от мяс его не насытились?* (Иов. 31, 31). Так и Христос дал нам в снедь собственную плоть Свою, дабы возбудить в нас сильнейшую любовь.

Итак, будем приступать к этому Телу с пламенною любовию, дабы нам не подвергнуться наказанию. Ибо чем более мы облагодетельствованы, тем более будем наказаны, если окажемся недостойными благодеяний. Это Тело почтили волхвы, когда оно лежало в яслях. Люди, не знавшие истинного Бога и чужеземные, оставив дом и отечество, предприняли далекий путь и, пришедши, поклонились ему с великим страхом и трепетом. Будем же подражать хотя этим чужеземцам мы, граждане неба. Они, увидев его в хижине и в яслях и не видев ничего такого, что видишь ты теперь, приступили с великим

трепетом — а ты видишь его не в яслях, а на жертвеннике, видишь не жену держащую, а священника предстоящего и Духа, осеняющего предложенное с великою благодатию; и не просто только видишь это тело, как они видели, но знаешь и силу его и всё, что совершилось чрез него. Посему будем приступать с трепетом и показывать более благоговения, нежели те чужеземцы, дабы, приступая к нему просто и невнимательно, не собрать нам огня на свою голову.

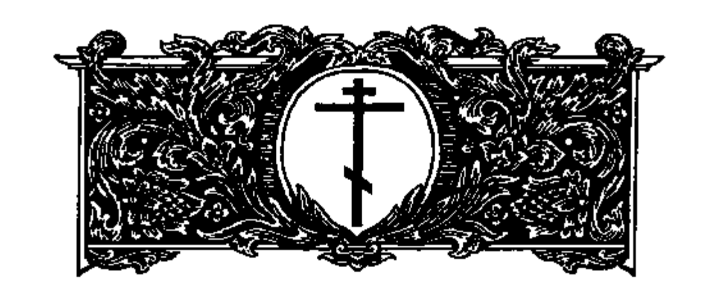
Впрочем, говорю это не к тому, чтобы мы не приступали, но чтобы не приступали недостойно. Ибо как опасно приступать без рассуждения, так и не приобщаться этой таинственной вечери есть голод и смерть. Она есть сила для души нашей, крепость для сердца, основание упования, надежда, спасение, свет, жизнь. Отошедши туда с этою жертвою, мы с великим дерзновением вступим в священные обители, как бы огражденные со всех сторон золотым оружием.

Но что я говорю о будущем? Это Таинство и здесь делает для тебя землю небом. Отверзи врата неба и приникни, или, лучше, врата не неба, а неба небес, и ты убедишься в истине сказанного. Что

там есть самого драгоценного, то же самое ты увидишь и на земле. Как в царских чертогах всего важнее не стены и не золотой кров, а тело царя, сидящего на престоле, так и на небесах — тело Царя. Но то же самое ты можешь видеть и ныне на земле, видеть не ангелов и архангелов, не небеса и небеса небес, а Самого Владыку всего этого. Не правда ли, что ты видишь на земле то, что всего важнее, не только видишь, но и прикасаешься, не только прикасаешься, но и вкушаешь и, вкусив, отходишь в дом свой? Очищай же свою душу, уготовляй сердце к принятию этих Таин.

Если бы тебе поручено было держать на руках царского сына со всем великолепием его, с порфирою и диадемою, то ты без сомнения отверг бы всё прочее земное. А теперь ты принимаешь не сына царя человеческого, а Самого Единородного Сына Божия, — и как не трепещешь, скажи мне, как не оставляешь пристрастия ко всему житейскому и вместо того, чтобы восхищаться одною этою драгоценностью, склоняешься к земле, предаешься страсти к деньгам и любви к золоту? Можешь ли иметь какое-нибудь извинение, какое-нибудь оправдание? Или ты не знаешь, что Господь твой отвращается от всякого житейского великолепия? Что потому Он

благоволил по рождении Своем возлежать в яслях и избрал бедную Матерь? Что потому Он преданному житейским выгодам отвечал: *Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову* (Мф. 8, 20)? А что ученики Его? Не ту же ли самую заповедь соблюдали и они, останавливаясь для жительства в домах людей бедных: один у кожевника, другой у изготовителя палаток и торговки одеждой? Они искали не знатных домов, а добродетельных душ. Будем же и мы подражать им: станем восхищаться не красотою столбов и мраморов, а стремиться к небесным обителям, презирать всякое здешнее великолепие и пристрастие к деньгам и возвышаться мыслями своими к небу. Ибо, если правильно рассудить, самый мир этот недостоин нас, не только что портики и галереи. Поэтому увещеваю вас: будем украшать свою душу, устраивать этот дом, которого мы не оставим и тогда, когда переселимся отсюда, дабы нам сподобиться благ вечных благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу вместе со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

7. Трапеза духовная

Приступим, увещеваю вас, со страхом, с великим уважением и благоговением к приобщению Святых Таин. Разве вы не знаете, как стояли ангелы при гробе, не имевшем тела Господня, при гробе пустом? Так как он уже содержал в себе тело Господа, то они воздают великую честь и самому месту. Ангелы, превосходящие наше естество, с таким уважением и благоговением стояли при гробе, — а мы, намереваясь приступить не к гробу пустому, но к самой Трапезе, содержащей Агнца, приступаем с шумом и смятением? Какое же будет нам после того извинение? Не напрасно я говорю это, но потому, что вижу, как многие шумят, кричат, теснят друг друга, толкают, злословят и

скорее уготовляют себе наказание, чем спасение; посему я и предлагаю такое увещание. Что делаешь ты, человек? Когда стоит пред Трапезою священник, воздевая руки к небу и призывая Духа Святого, чтобы Он сошел и коснулся предлежащего, то бывает великая тишина, великое безмолвие. Когда же Дух ниспослал благодать, когда Он сошел, когда Он коснулся предлежащих даров, когда ты видишь Агнца уже закланного и готового, — тогда начинаешь шум, тогда смятение, тогда спор, тогда брань? Как же ты можешь причаститься этой Жертвы, приступая к Трапезе с таким смятением? Не довольно для нас того, что мы приступаем с грехами, но и приступая, мы не хотим воздержаться от прегрешений? Ибо когда мы спорим, когда шумим, когда уязвляем друг друга, то как будем без грехов? К чему спешишь ты, скажи мне? Для чего теснишься, видя закланного Агнца? Если бы даже во всю ночь пришлось взирать на эту Жертву, то неужели, скажи мне, такое зрелище могло бы произвести пресыщение? Целый день ты ждал, провел большую часть вечера, и такой подвиг ты теряешь и губишь в краткое мгновение времени? Подумай: Агнец заклан для тебя, а ты с пренебре-

жением взираешь на Него закланного. *Где,* сказано, *будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 24, 28). А мы приступаем не как орлы, но как псы, — таково наше бесстыдство! Помысли, что такое изливается. Это — Кровь, Кровь, которая изгладила рукописание грехов, Кровь, которая очистила твою душу, которая омыла твои нечистоты, которая восторжествовала над силами небесными. Приступай же к ней с великим благоговением. Приступай к сей страшной Чаше так, как бы ты пил от самого ребра Христова.

8. О приобщении Святых Таин

Знаю, что многие скоро придут и приступят к духовной Трапезе. Чтобы нам сделать это не ко вреду и не в осуждение, но во спасение души нашей, я предупреждаю вас и прошу всячески очистить самих себя и потом приступать к Святым Таинствам. Никто пусть не говорит мне: я покрыт стыдом, совесть моя полна грехов, я ношу тягчайшее бремя. Этих дней достаточно, чтобы очистить множество грехов, если будешь трезвиться, молиться и бодрствовать. Ты смотри не на то, что время кратко, а взирай на то, что Господь человеколюбив. Ниневитяне в три дня отвратили от себя гнев Его, и нисколько не помешала им краткость времени, но

душевное усердие, при помощи человеколюбия Господа, смогло сделать всё. И блудница, приступив ко Христу, в краткое мгновение времени смыла с себя весь позор. И когда иудеи негодовали, что Христос допустил ее к Себе и позволил ей такую смелость, то им Он заградил уста, а ее отпустил, простив ей все грехи и приняв ее усердие. Почему так? Потому, что она приступила с теплым расположением, с пламенною душою и с горячею верою и коснулась святых и священных ног Его, распустив волосы, проливая из очей потоки слез и возливая миро. Чем она обольщала людей, из того устроила и врачевство покаяния; чем возбуждала взоры похотливых, тем и источала слезы; теми волосами, которыми увлекала многих ко греху, отирала ноги Христа, тем миром, которым уловляла многих, намащала стопы Его. Так и ты: чем прогневал Бога, тем самым умилостивляй Его. Ты прогневал Его хищением денег? Ими и умилостивляй Его, возвратив обиженным похищенное и еще прибавив к тому своего, и скажи подобно Закхею: *воздам вчетверо* за всё, что я похитил (Лк. 19, 8). Ты прогневал Его языком и злословием, которым оскорбил многих? Языком опять и

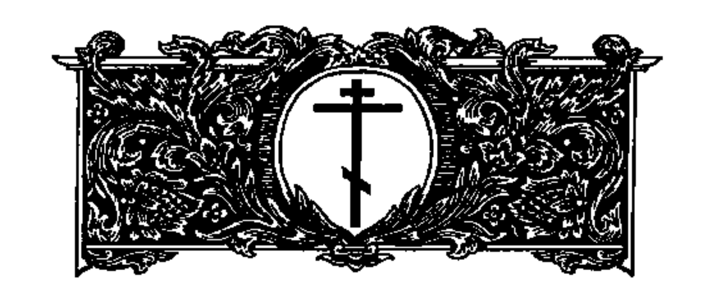
умилостивляй Его, воссылая чистые молитвы, благословляя злословящих, восхваляя злоречащих, благодаря наносящих обиды. На это не нужно много дней и годов, а нужно только произволение, и всё исполнится в один день.

Оставь зло, полюби добродетель, отстань от порока, обещай больше не делать так, и этого достаточно будет для твоего оправдания. Я свидетельствую и уверяю, что если каждый из нас, грешников, оставив прежние грехи, даст искренний обет Богу впредь даже не начинать их, то Бог ничего другого не потребует к полнейшему оправданию. Ибо Он человеколюбив и милостив, и как мучающаяся родами желает разрешиться от бремени, так и Он желает излить Свою милость, но грехи наши препятствуют этому. А ныне многие из верующих дошли до такого безумия и нерадения, что, будучи преисполнены бесчисленными грехами и нисколько не заботясь о себе, небрежно и как попало приступают в праздники к этой Трапезе, а того не знают, что время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистою совестью и безукоризненною жизнью. И как не сознающему за собою ничего плохого можно причащаться каж-

дый день, так, напротив, погруженному во грехах и не раскаявшемуся небезопасно причаститься и в праздник. Ибо то, что мы однажды в год причащались, не освобождает нас от вины, если мы приступим недостойно, напротив, это самое и служит к большему осуждению, что мы, и однажды в год приступая, не приступаем чистыми. Посему прошу всех вас приступать к Божественным Таинствам не просто ради праздника, но, если когда вы желаете приобщиться этого святого приношения, то за несколько дней прежде постарайтесь очистить себя покаянием, молитвами, милостынею и занятием духовными предметами и не обращайтесь назад к грехам, подобно как пес на свою блевотину. Действительно, не странно ли — о телесных вещах иметь такое попечение, что при наступлении праздника, за несколько дней вынув из сундуков самое лучшее платье, приготовляют его, покупают обувь, делают обильнейший запас для стола, придумывают множество всяких закупок и всячески себя украшают, — а о душе, оставленной в небрежении, нечистой, оскверненной, томящейся голодом и остающейся неустроенною, нисколько не заботятся: тело вводить сюда украшенным, а душу оставлять

обнаженною и безобразною? Между тем тело твое видит подобный тебе человек, и не будет никакого вреда, как бы оно ни было одето; а душу видит Господь и за небрежение о ней подвергает величайшему наказанию. Разве вы не знаете, что эта трапеза полна духовного огня, и как источники испускают из себя естественную воду, так и она содержит в себе некоторый невыразимый пламень? Поэтому приступай к ней не с соломою, деревом и травою (грехами), чтобы тебе не усилить воспламенения и не сжечь души, но с драгоценными камнями, золотом и серебром (добрыми делами), чтобы и вещество это сделать более чистым и выйти отсюда с великою прибылью.

Если есть что-нибудь худое в душе твоей, извергни, изгони это вон из нее. Врага ли кто имеет и потерпел великие обиды? Пусть такой прекратит вражду, пусть усмирит воспламененную и раздраженную душу, чтобы не было внутри никакого волнения и смятения. Чрез причастие ты можешь принять в себя Царя; а когда Царь входит в душу, тогда в ней должны быть великая тишина, великое спокойствие, глубокий мир помыслов.

9. Спасительное врачевство

Намереваясь приступить к Страшной и Божественной Трапезе и Святому Таинству, делайте это со страхом и трепетом, с чистою совестью, после поста и молитвы, без шума, не перебивая и не толкая ближних, ибо это служит знаком крайней гордости и великого презрения, почему и навлекает на поступающих так великое наказание и мучение. Представь, человек, какой намереваешься ты причаститься Жертвы, к какой приступаешь Трапезе; помысли, что ты, земля и пепел, причащаешься Крови и Тела Христовых. Когда царь приглашает вас на пиршество, то вы сидите со страхом и принимаете предлагаемые яства с благоговением и спокойствием, а когда Бог приглашает к Своей Трапезе и предлагает Собственного Сына,

когда ангельские силы предстоят со страхом и трепетом, херувимы закрывают лица свои и серафимы с трепетом взывают: Свят, Свят, Свят Господь, — как ты, скажи мне, осмеливаешься кричать и с шумом приступать к этому духовному пиршеству? Разве ты не знаешь, что в это время душа должна быть исполнена миром? Нужны великий мир и тишина, а не шум, гнев и смятение, иначе приступающая душа бывает нечистою.

Какое может быть прощение, если мы после столь многих грехов, даже и в это время, не очищаем себя от безумных страстей своих? Прошу и увещеваю вас, не будем навлекать на себя гнев Божий. Предлагаемое здесь есть спасительное врачевство для наших ран, богатство неоскудевающее и доставляющее нам Царство Небесное. Будем же приступать с трепетом, благодарить, припадать, исповедуя грехи свои, воссылать к Богу усердные молитвы и, таким образом очищая себя, тихо и с надлежащим благочинием будем подходить, как приближаясь к Царю Небесному; приняв же непорочную и святую Жертву, будем лобызать ее, обнимать ее глазами, согревать свою душу, чтобы приобщение не послужило к суду или к осуждению нашему, но к целомуд-

рию души, к любви, к добродетели, к примирению с Богом, к прочному миру и приобретению бесчисленных благ, дабы нам и себя освятить, и ближним доставить назидание.

Время жизни течет быстро, возлюбленные; будем трезвиться, бодрствовать, воздерживаться, искренно оказывать всякое попечение о всех, быть благоговейными во всем; нужно ли слушать Божественные изречения, или молиться, или приступать к Таинству, или делать что-нибудь другое, — будем делать это со страхом и трепетом, чтобы небрежностью не навлечь на себя проклятие, ибо *проклят,* говорится в Писании, *кто дело Господне делает небрежно* (Иер. 48, 10). Шум и гнев служат оскорблением предложенной Жертвы. Крайнее небрежение — представлять себя Богу оскверненным. Послушай, что говорит об этом апостол: *если кто разорит храм Божий, того покарает Бог* (1 Кор. 3, 17). Итак, не будем оскорблять Бога вместо примирения с Ним, но, оказывая всё усердие и всю чистоту и безмятежность души, будем приступать с молитвою и сокрушенным сердцем, чтобы, соединившись со Христом, мы могли войти в Небесное Его Царство.

Содержание